

М. Вебер

СОЦИАЛИЗМ

Речь для общей информации австрийских офицеров в Вене (1918 г.)*

Поскольку мне впервые оказана высокая честь обратиться к офицерскому корпусу королевской императорской армии, вы поймете некоторую затруднительность моего положения. Прежде всего, я совершенно незнаком с условиями, внутренними связями в управлении КИА, с условиями, которые имеют решающее значение также и для оказания влияния офицерского корпуса на войска. Ведь очевидно, что офицер запаса или гражданской обороны является дилетантом не только вследствие недостатка научной подготовки в военной школе, но также и вследствие того, что он не находится в постоянном соприкосновении со всей внутренней нервной системой организации. Тем не менее, когда кто-нибудь, подобно мне, провел некоторое время в германской армии в различных районах Германии, то, полагаю, вполне возможно составить представление об отношениях между офицерами, унтер-офицерами и солдатами настолько, чтобы, по крайней мере, понять, что тот или иной метод оказания воздействия является возможным, в то время как тот или этот способ труден или просто невозможен.

Конечно, во всем, что касается КИА, я не имею ни малейшего представления об этих вещах. Если я и получил впечатление о чем-либо, связанном с отношениями внутри КИА, то только об одном, а именно — о колоссальных реальных трудностях, которые для меня являются следствием лингвистических обстоятельств. Офицеры запаса КИА пытались в ряде случаев объяснить мне, как им удастся поддерживать контакт с солдатами без какого-либо действительного знания их языка, тот контакт, который необходим для того, чтобы оказывать любого рода воздействие на войска.

Что касается меня, я могу говорить, исходя только из германского опыта, и мне хотелось бы сделать сначала несколько вводных замечаний о том, каким образом осуществляется такое воздействие в Германии.

Эти наблюдения сделаны с предельно ограниченного поля зрения, а именно — в моих некогда частых поездках по Германии я положил себе за правило (когда расстояния были не слишком велики и когда предстоящая работа не была чересчур изнурительной) — всегда путешествовать третьим классом. Таким образом в течение определенного времени я познакомился со многими сотнями людей, возвращавшихся с фронта или туда отправлявшихся как раз в тот период, когда было введено то, что теперь известно как задача обучения солдат офицерами. Так, без какого-либо мотива для расспрашивания людей или

*Перевод сделан по изданию: Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik*. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1924.

побуждения их к разговору, я услышал огромное множество мнений по данному вопросу от простых рядовых. Более того, это были солдаты, заслуживающие безусловного доверия: авторитет офицера был для них незыблем, как скала. Правда, довольно редко встречались люди, которые, судя по их мыслям, придерживались несколько иной позиции. Ее смысл всегда заключался в том, что очень скоро должна была быть признана огромная трудность любого обучения. В частности, выделялась одна вещь: как только среди солдат возникало подозрение в том, что каким-либо образом — прямо или косвенно — поощрялось дело партийной политики, независимо от природы последней, у огромного большинства из них всегда появлялось недоверие. Когда они приезжали в отпуск, они общались с солдатами из своей партии, а потом, естественно, становилось трудно поддерживать с ними настоящие доверительные отношения. Более того, существовало также и такое серьезнейшее затруднение: по общему признанию солдаты полностью, безоговорочно признавали компетентность офицера в военных вопросах. Я никогда не сталкивался с чем-либо иным, хотя, конечно, даже в Германии встречались случаи злоупотребления — иногда в отношении личного состава, иногда в чем-либо еще, но воинский авторитет в основном никогда не ставился под вопрос.

С другой стороны, встречалось и такое настроение: «Гм, когда мы получаем от офицеров наставления относительно нашей личной жизни и ее условиях, выявляется тот очевидный факт, что офицер все же принадлежит к иному, чем мы, классу; даже с наилучшей в мире доброй волей он не может поставить себя на наше место за станком или плугом полностью, так же, как это делаем мы».

Такое мнение постоянно выражалось во множестве подчас наивных замечаний, и у меня возникло чувство, что, вследствие направленного по ложному пути просвещения, власти офицера, пожалуй, может быть нанесен ущерб даже в военной области, где она остается прочной, ибо солдаты не признают авторитет полностью там, где он претендует на то, чтобы стоять только на своем.

Теперь о другой ошибке, которую часто делали не сейчас, но в более ранних спорах о социализме. Уже давно вошло в обычное, и не без основания, начинать (как это обычно делают в партийной борьбе многочисленные оппоненты социал-демократов) со следующего упрека по адресу рабочих — со ссылки на профсоюзных руководителей: «Ведь это, фактически, люди, живущие в буквальном смысле слова на рабочие гроши в гораздо большей степени, чем предприниматели». На этот упрек любой рабочий, конечно, отвечает так: «...Разумеется, эти люди живут за счет моих копеек. Я плачу им. Но именно по этой причине я могу на них положиться: они от меня зависят и я знаю, что они должны представлять мои интересы. Мое мнение по этому вопросу неизменно и это стоит нескольких медяков».

Сейчас люди стараются в этом плане не доверять классу интеллектуалов, штампуемому повсеместно призывы, лозунги и — можете вы сказать для утешения — фразы, которые заимствуются всеми без исключения партиями, включая партии слева и социал-демократическую партию. По моему мнению, следует особенно приветствовать то, что в Германии к профсоюзам проявляется такое хорошее отношение. Вы, однако, можете занимать любую, какую вам заблагорассудится, позицию к профсоюзам. Они тоже допускают просчеты со своей стороны. Тем не менее, такое отношение к профсоюзам было разумным с воен-

ной точки зрения, поскольку они представляют нечто, имеющее также характерные черты воинских соединений.

Думайте что угодно о забастовках. Обычно они являются борьбой за собственные интересы, заработную плату. И все же часто не только за заработную плату, но также и за идеалы — за честь (как рабочие ее понимают), причем каждый человек требует для себя то, что должно под этим словом подразумеваться. Чувство чести, товарищества среди трудящихся одной фабрики, одного цеха связывает их воедино и конечный анализ подтверждает, что на этом же чувстве, но в ином плане, основывается солидарность в воинских соединениях.

И поскольку не существует абсолютно никаких средств уничтожения забастовок (можно только выбирать между открытым признанием профсоюзов и тайными организациями этого рода), я считаю хорошо продуманным, также и с военной точки зрения, мнением — занять по отношению к ним позицию, исходя из данного факта. Положение таково: насколько возможно, поладить с этими людьми и, насколько они не ставят под угрозу военные интересы, придти с ними к соглашению, как фактически и произошло в Германии.

Таковы мои личные впечатления. А теперь мне хотелось бы вернуться к предмету, ради которого вы оказали мне честь, обратившись ко мне с просьбой выступить, и который на самом деле потребовал бы шести месяцев (именно этот срок является обычным для лекций по таким предметам при обучении в академических аудиториях) для адекватного рассмотрения положения социализма и выяснения отношения к нему.

Прежде всего, я обращаю внимание на тот факт, что имеются «социалисты» самых различных видов. Существуют люди, называющие себя социалистами, которых ни один член социалистической партии какого рода никогда не признает таковыми.

Сейчас все партия и чисто социалистического характера являются демократическими. Я хотел бы сперва кратко рассмотреть этот демократический характер. Что же такое демократия в настоящее время? Этот вопрос является прямо относящимся к нашему предмету. Сегодня, конечно, я могу затронуть его вкратце. Демократия может означать бесконечное множество вещей. Per se она попросту означает то, что не существует никакого формального неравенства в правах между отдельными классами населения.

И все же насколько различными являются последствия этого факта! При старом типе демократии в швейцарских кантонах Ури, Швиц, Унтервальден Аппенцель и Гларус все население (в Аппенцеле численность избирателей составляет 12000, в других кантонах — между 3000 и 5000) пока еще собирается на большой площади и там они голосуют после окончания обсуждения путем поднятия рук по всем вопросам — от выборов президента до принятия нового налогового закона или же по какому-либо вопросу управления.

Однако, если вы изучите списки президентов, избранных на основе такой старомодной швейцарской демократии за пятьдесят или шестьдесят лет, вы обнаружите, что они замечательно часто были одними и теми же людьми или же, по крайней мере, что определенные семьи контролировали эти посты с незапамятного времени.

Таким образом, хотя здесь и существовала демократия, основанная на законе, она фактически проявляла себя аристократически по той простой причине,

что не каждый ремесленник смог бы взяться за исполнение обязанностей кантонального президента, не разрушив при этом свое собственное дело. Президентом должен был стать человек «излишний» в экономическом смысле, не говоря уже о том правиле, что им мог быть только вполне зажиточный человек. Или же президентская должность должна хорошо оплачиваться с последующим назначением пенсии. У демократического государства имеются только следующие альтернативы: или оно управляется дешево путем назначения на должности богатых или дорогостоящим образом при помощи оплачиваемых профессиональных администраторов.

Этот последний путь, связанный с развитием управления профессионалов, был судьбой всех современных демократий, в которых сама по себе номинальная должность стала уже недостаточной, т.е. крупных государств. Таково нынешнее положение в Америке. Президент всего союза и большая часть должностных лиц избираются если не конгрессами штатов, то тем не менее на основе прямого или многоступенчатого избирательного права. Президент назначает прочих федеральных чиновников.

Было обнаружено, что государственные служащие, назначенные президентом, оказались гораздо выше выбранных народом чиновников в плане способностей, прежде всего, в смысле неподкупности, поскольку президент и партия, которую он возглавляет, естественно, несли ответственность перед избирателями за то, чтобы назначаемые ими чиновники имели по крайней мере те качества, какие до определенной степени ожидает от них избиратель.

Демократия в Америке, основанная на том принципе, что каждые четыре года, когда меняется президент, будут меняться также и 300000 оставшихся чиновников, которых он назначил, и что каждые четыре года будут переизбраны все губернаторы отдельных штатов, а вместе с ними многие тысячи гражданских служащих — такая демократия движется к своему концу. Это было управление дилетантов, поскольку гражданские служащие, назначенные партией, получали свои должности в соответствии с таким принципом: они обязаны своими местами партии и посты достались им только благодаря ей. Им задавали несколько вопросов относительно их квалификации; экзамены и другие подобные вещи еще до недавнего времени формально были неизвестны американской демократии. Наоборот, зачастую принималась такая точка зрения, что должность должна переходить по кругу от одного к другому при соблюдении до определенного предела ротационного принципа, так чтобы каждый смог бы урвать долю пирога.

Я разговаривал об этом с американскими рабочими по разным поводам. Чистокровный американский рабочий-янки находится на высоком уровне заработной платы и образования. Американские рабочие получают больше, чем многие преподаватели американских университетов. Они имеют все внешние атрибуты буржуазного общества: появляются в своих цилиндрах со своими женами, манерам которых, быть может, в чем-то недостает *savoir faire* и элегантности, но, во всяком случае, они мало в чем уступают всем прочим дамам. В то же время иммигранты из Европы вливаются в низшие классы.

Итак, когда я сидел в компании с таким рабочим и говорил ему: «Как же вы можете позволить, чтобы вами управляли люди, которые, достигая должности при вашей помощи, естественно, идут на все, чтобы выколотить из своего

поста как можно больше денег, поскольку они обязаны своей должностью партии и платят так много из получаемого жалования партии в виде взносов, а затем должны оставить свой пост через четыре года, не дослужив до пенсии? Как же вы допускаете, чтобы вами управляла продажная публика, известная тем, что она ограбила вас на сотни миллионов»? Время от времени я обычно получал характерный ответ, который я повторю слово в слово во всей его пикантности: «Это не имеет значения — денег хватает и для воровства и их остается достаточно для заработка остальных, в том числе и для нас. Мы следим за этими "профессионалами", этими гражданскими служащими и мы подозреваем их. Но когда должности займет обученный, квалифицированный класс, как в вашей стране, тогда они "положат глаз" на нас».

Именно это имело решающее значение для этих людей — страх, что может появиться такая же бюрократия, какая теперь существует в Европе, класс имеющих университетское образование, специально обученных гражданских чиновников.

Сейчас, конечно, пришло время, когда даже в Америке управление не может больше осуществляться дилетантами. В неимоверной степени растут специализированные гражданские службы. Введен экзамен для специалистов; в теории экзаменационная проверка стала впервые обязательной только для лиц, занявших технические посты, но она растет подобно снежному кому. Уже существуют около 100000 должностных лиц, назначаемых президентом, которые могут вступить на свой пост, только сдав определенные экзамены. Тем самым был сделан первый и наиболее важный шаг к реформе старой демократии.

Но вместе с тем университет в Америке также начал играть совершенно иную роль и дух университетского образования изменился фундаментально. Ведь инициаторами войны (и это не всегда оценивается за пределами Америки) были не те поджигатели войны, которые существуют в любой стране, но американские университеты и сформированный ими слой. Во время моего тамошнего пребывания в 1904 г. американские студенты чаще других задавали мне вопрос — как устраивают дуэли в Германии и что ощущают люди, получившие на дуэли шрамы. Они считали дуэль рыцарским институтом и желали завести этот вид спорта также и у себя.

Серьезный аспект этого заключался, применительно к предмету моего разговора, в том, что к подобному настроению специально приспособлялась и литература. И действительно — в лучших произведениях, появившихся в те дни, я встречал такого рода заключение: «Весьма удачно, что мировая экономика движется к пункту, за которым будет вполне стоящим делом («ясный деловой взгляд»), когда один станет лишать другого мировой торговли при помощи военных средств. Ибо тогда уже придет конец эре, когда мы, американцы, были недостойными скопидомами; дух войны и рыцарства снова восторжествует в мире».

Очевидно, они думали, что современная война похожа на битву при Фонтенуа, когда герольд французов крикнул врагу: «Господа англичане, стреляйте первыми!». Они считали войну разновидностью рыцарского спорта, который восстановит классовую чувствительность и рафинированные чувства займут место грязного стяжательства. Посмотрите — эта каста судит об Америке точно

таким же образом, как постоянно судили об Америке в Германии, а затем сделайте собственные выводы.

Из этой касты вышли жизнеспособные государственные деятели. Для Америки результатом этой войны будет ее формирование как государства, обладающего крупной армией, офицерским корпусом и бюрократией. В свое время я разговаривал с американскими офицерами, настроения которых далеко не отвечали ожиданиям американской демократии. К примеру, я как-то раз случайно оказался в доме дочери моего коллеги в отсутствие прислуги (горничные смогли отпроситься за два часа до этого). Два сына — морских кадета — случайно зашли, и их мать сказала: «Вы должны сейчас выйти наружу и убрать снег, иначе это будет стоить мне круглой суммы — 100 долларов в день». Сыновья (они только что побывали в компании германских морских офицеров) сочли это неподходящей для себя работой, после чего мать сказала: «Если вы это не сделаете, придется делать мне».

Для Америки эта война будет означать эволюцию бюрократии и вместе с ней возможности для продвижения вперед университетских кругов (они составляют, конечно, также и ее основу), короче, результатом такой эволюции будет европеизация Америки, по крайней мере, в той же самой степени, в какой люди говорят об американизации Европы.

Повсюду в крупных государствах современная демократия становится бюрократизированной демократией. Так и должно быть: ведь она заменяет аристократов и прочих номинальных должностных лиц платной гражданской службой. Везде происходит то же самое и внутри партий также. Это неизбежно, и первый факт, с которым должен считаться социализм, — необходимость специализированного обучения из-за постоянно увеличивающейся специализации и для управления гражданскими службами при помощи соответствующим образом обученных специалистов. Современная экономика не может развиваться каким-либо иным путем.

Однако эта неизбежная всеобщая бюрократизация является, в частности, тем, что скрывается за одним из наиболее цитируемых социалистических лозунгов — лозунгом «отделение рабочего от средств производства». Что это означает? Рабочий, как нам говорят, «отделен» от материальных ресурсов, при помощи которых он производит, и на этом основывается наемное рабство, в котором он оказался. Под этим подразумевается тот факт, что в средние века рабочий был собственником технических орудий, с помощью которых он работал, в то время как современный рабочий, конечно, не владеет и не может владеть своими орудиями, независимо от того, кто возглавляет шахту или соответствующую фабрику — предприниматель или же государство.

Далее, имеется в виду, что ремесленник сам покупал сырье, которое он обрабатывал, тогда как сегодня это не является и не может быть делом наемного рабочего; и что готовый продукт в средние века и до сих пор в тех местах, где сохранились мелкие ремесла, находился в распоряжении индивидуального производителя, который мог продать его на рынке и обратить в собственный доход, в то время как на крупном предприятии этот продукт находится в распоряжении не рабочего, но собственника средств производства, которым опять-таки могут быть государство или частный предприниматель.

Это верно. Но сам этот факт никоим образом не является чем-то специфическим по отношению к процессу экономического производства. С теми же самыми вещами мы встречаемся, например, внутри университета. В старые времена преподаватель и университетский профессор работали с книгами и техническими средствами, которые они для себя добывали или изготавливали сами. Например, химики изготавливали вещи, необходимые для научных опытов. Сегодня основная масса кадров внутри современной университетской системы, в частности, ассистенты на больших факультетах, наоборот, находятся в точно таком же положении, как и любой рабочий. Они могут быть уволены в любое время. Их права в рамках факультета ничем не отличаются от прав рабочего на фабрике. Точно так же, как и рабочие, они должны подчиняться принудительному регулированию. Они не владеют материалами или аппаратурой, машинами и т.д., которые используются на химическом, физическом или биологическом факультетах или в клинике. Все эти вещи являются, скорее, собственностью государства, но управляются директором департамента, который взимает налоги для этой цели, в то время как ассистент получает доход, который в сумме принципиально не отличается от зарплаты квалифицированного рабочего.

Мы встречаемся точно с таким же положением в военной области. Рыцарь старых времен был владельцем своего коня и своего вооружения. Он должен был заботиться о своей экипировке и снабжении. Структура армии в этот период базировалась на принципе самообеспечения. В античных полисах и в армиях средних веков воин должен был сам обеспечивать себя доспехами, копьем и конем, а также поставлять продовольствие.

Современная армия возникает вместе с появлением княжеского двора, т.е. когда солдат или офицер (который на деле в чем-то отличается от любого другого чиновника, но по смыслу в точности соответствует лицу, исполняющему службу) перестают владеть средствами ведения войны. Именно на этом, в действительности, основывается солидарность в современной армии. В этом также скрывается причина — почему на протяжении столь долгого времени для русских солдат было невозможно покинуть окопы: существовал аппарат, состоявший из офицерского корпуса, генерал-квартирмейстера и других чиновников. И каждый в армии знал, что все его существование, включая питание, зависит от функционирования этого аппарата. Все они были «отделены» от орудий войны, точно так же, как рабочий отделен от средств производства.

Положение должностного лица в феодальную эпоху весьма схоже с положением рыцаря. Он также является вассалом, облеченным высокой административной и юридической властью. Ему приходилось оплачивать из своего собственного кармана издержки, связанные с выполнением административных и судебных обязанностей и, соответственно, он устанавливал подати. Тем самым он имел в своем владении орудия управления. Современное государство возникает тогда, когда государь берет все эти функции под свой собственный контроль, назначает оплачиваемых чиновников и таким образом осуществляет «отделение» должностных лиц от орудий их деятельности.

Повсюду мы встречаемся с одной и той же вещью: орудия внутри фабрики, государственной администрации, армии и университетских факультетов концентрируются посредством создания бюрократически сконструированной че-

ловческой машины, находящейся в руках того, кто эту машину контролирует. Это происходит частично по чисто техническим соображениям: в соответствии с природой современных орудий — машин, ружей и т.д., но, частично, просто вследствие гораздо большей эффективности такого рода кооперации — развития «дисциплин», армии, управления, профсоюзных масс и фабричной дисциплины.

В любом случае серьезной ошибкой будет считать, что такое отделение рабочего от орудий его производства является чем-то специфическим для индустрии и тем более для частной индустрии. Принципиальное положение вещей остается неизменным при смене лица, находящегося во главе этой машины, когда вместо частного предпринимателя ее контролирует, скажем, государственный директор или министр. Независимо ни от чего, «отделение» от средств продолжается. Будут ли это шахты, плавильные печи, железные дороги, фабрики или машины, они никогда не станут собственностью одного или нескольких индивидуальных рабочих в том же смысле, в котором материалы средневекового ремесла были собственностью одного гильдейского мастера, местной производственной ассоциации или гильдии. Об этом не может быть и речи вследствие природы современной технологии.

Теперь, что же такое социализм по отношению к этому факту? Как я говорил, это слово имеет многообразные значения. Однако то, что обычно рассматривают как противоположность социализма, является системой частной экономики. Речь идет о положении вещей, при котором забота об экономических нуждах находится в руках частных предпринимателей и осуществляется таким образом, что эти предприниматели обеспечивают себя материальными ресурсами, административным штатом и рабочей силой посредством купчих и договоров о заработной плате, затем они изготавливают товары и продают их на рынке на свой собственный экономический страх и риск и в ожидании личной прибыли.

Эта система частной экономики обеспечила социалистическую теорию лозунгом «анархии производства», поскольку она оставляет открытым вопрос — функционирует ли личный интерес индивидуальных предпринимателей в обороте их продукции (интерес прибыли) таким образом, что обеспечение тех, кто нуждается в этих товарах, является гарантированным.

Историческим фактом является то, что произошло изменение в вопросе — какие из общественных потребностей обслуживаются коммерчески (т.е. частным образом) и какие не частным образом, а социалистически в самом широком смысле этого слова (т.е. путем систематической организации).

В средние века, например, такие республики, как Генуя, вели свои крупные колониальные войны на Кипре при помощи небольших, действовавших на паях компаний так называемых «маонен». Они устраивали складчину, чтобы собрать необходимые фонды, нанимали подходящих наемников, преодолевали любое сопротивление, получали протекцию от республики и, естественно, эксплуатировали страну в своих собственных интересах либо в качестве земли для плантаций, либо в качестве объекта для взимания налогов.

Таким же образом Восточная Индийская компания завоевывала Индию для Англии и эксплуатировала ее самостоятельно. Кондотьер периода позднего итальянского Ренессанса принадлежал к той же самой категории. Как и после-

дний из них — Валленштейн, он рекрутировал свою армию от своего собственного имени и на свои собственные средства; часть добычи армии шла в его карман и, конечно, он обычно выдвигал условие, чтобы князь, король или император выплачивали ему определенную сумму в качестве награды в случае его успеха, а также для покрытия его расходов.

Хотя и несколько менее самостоятельно, полковник восемнадцатого века все же был предпринимателем, который должен был нанимать и экипировать для себя войска; иногда он мог по взаимному соглашению зачерпнуть и из государевых запасов, но он всегда в значительной степени руководил своим соединением на свой собственный риск и для своей собственной выгоды. Таким образом, частное предпринимательство в военном деле, которое сегодня показалось бы нам чудовищным, считалось вполне нормальным.

С другой стороны, ни один средневековый город или гильдия никогда не могли бы даже помыслить о том, чтобы городские запасы зерна или необходимое для гильдии сырье, которое должно было импортироваться для работы ремесленников, были просто отданы свободному рынку. Наоборот, со времен античности — в широком масштабе в Риме и повсеместно в средние века — этими делами ведал город; свободная же торговля играла только дополнительную роль. Приблизительно как теперь в дни военной экономики кооперация или, как ее сегодня в целом именуют, «национализация» существовала в обширных отраслях экономики.

То, что характеризует нашу теперешнюю ситуацию, состоит в следующем: частная экономика, связанная с частной бюрократической организацией и вследствие этого — с отделением рабочего от орудий его производства, господствует в сфере промышленного производства, которое никогда прежде в истории не порождало этих двух характерных черт вместе в таком масштабе. И этот процесс совпадает с установлением механического производства внутри фабрики и тем самым с местной аккумуляцией труда на основе тех же самых предпосылок, с рабским подчинением машине, с общей трудовой дисциплиной внутри механического цеха или шахты. Именно эта дисциплина придает современному способу «отделения» рабочего от вещественных орудий собственную специфическую форму.

Такое положение, такая фабричная дисциплина дали рождение современному социализму. Социализм самых различных типов существовал повсюду на земле в любой период и в любой стране. Современный социализм во всей своей уникальности возможен только на этой основе.

Такое подчинение трудовой дисциплине столь исключительно свойственно промышленному рабочему потому, что, скажем, в отличие от рабской плантации или феодального поместья, современная промышленность функционирует на основе исключительно интенсивного процесса отбора. Современный владелец фабрики не просто нанимает любого рабочего только потому, что тот может работать за низкую заработную плату. Скорее, он ставит человека к станку за сдельную плату и говорит: «Все в порядке! Теперь работай, а я посмотрю сколько ты заработаешь». И если человек оказывается неспособным заработать определенный минимум, ему говорят: «Извините, но Вы не подходите для занятия этого рода и мы не можем воспользоваться Вашими услугами». Его уволь-

няют, поскольку машина не может работать в полную мощность, до тех пор пока стоящий рядом с ней рабочий не знает как ее полностью использовать.

Тот же самый или схожий подход мы встречаем повсеместно. Любое современное предприятие, в противоположность античным, где использовался рабский труд и хозяин был привязан к своим рабам (ведь если один из них умирал, это означало для него потерю части капитала), основывается на принципе отбора, с одной стороны, а с другой — этот отбор усиливается до крайности вследствие конкуренции между предпринимателями, которая принуждает индивидуального предпринимателя поднимать заработную плату до определенного максимума: свойственная рабочему настоятельная потребность в заработке соответствует неотъемлемой потребности в дисциплине.

Если рабочий пойдет сегодня к предпринимателю и скажет: «Мы не можем жить на такие заработки и Вы могли бы платить нам больше», в девяти случаях из десяти (я имею в виду мирное время и те отрасли, где действительно имеет место жестокая конкуренция) предприниматель оказывается вынужденным доказать рабочим на основе своих конторских книг, что это невозможно: мой конкурент платит такую-то и такую-то зарплату. Даже если я буду платить вам больше, весь доход, который я мог бы выплатить пайщикам, исчезнет из конторских книг. Я не смогу продолжить дело, поскольку не получу кредита от банка.

В таких утверждениях очень часто звучит голая правда. В этом заключен дополнительный аргумент — под давлением конкуренции доходность предприятия зависит от того, насколько человеческий труд устраняется трудосберегающими машинами, в особенности высокооплачиваемая его разновидность, которая особенно дорого обходится предпринимателям. Следовательно, квалифицированные рабочие должны заменяться неквалифицированными или же рабочими, обученными для работы непосредственно на данном станке. Этот процесс неизбежен и происходит постоянно.

Социализм называет все это «господством вещей над людьми», что означает господство средств над целью (предложением, соответствующим спросу). Он признает, что, в то время как в прошлом существовали индивиды, которые могли бы считаться ответственными за судьбу клиента, крепостного или раба, сегодня это невозможно. Тем самым он нападает не на индивидов, но на организацию производства как таковую.

Любой образованный социалист категорически откажется считать индивидуального предпринимателя ответственным за predeterminedенную судьбу рабочего, но скажет, что она неотъемлемо присуща системе, в жесткие рамки которой оказываются загнанными все группы — те, кто нанимает, и те, кого нанимают.

Чем же тогда в положительном смысле является по отношению к этой системе социализм? В самом широком смысле слова это то, что часто именуют также «коллективной экономикой» — экономикой, которая, во-первых, не нацелена на получение дохода и не предполагает ситуацию, при которой частные предприниматели руководят производством на свой собственный страх и риск. Вместо этого экономика оказалась бы в руках официальных представителей народного синдиката, которые взяли бы на себя задачу контроля в пределах, к обсуждению которых я сейчас перейду. Во-вторых, следствием новой ситуации

было бы исчезновение так называемой анархии производства, т. е. конкуренции между предпринимателями.

В наше время, особенно в Германии, ведется много разговоров о том, что в результате войны мы на данном этапе своего существования находимся на полпути от такой «коллективной экономики». В свете этого позволительно будет кратко отметить, что организованная экономика каждого в отдельности народа основывалась бы по способу своей организации на двух существенно различающихся принципах: во-первых, на том, что в наши дни называют национализацией, с которой все те господа, которые работают в военной промышленности, без сомнения знакомы. Она основывается на сотрудничестве амальгамированных фирм в отдельной отрасли во главе с государственными чиновниками, гражданскими или военными. Запасы сырья, обеспечение кредита, цены и рынок систематически и в широком масштабе подвергаются регулированию.

Имеет также место государственное участие в распределении доходов и в политике принятия решений в этих синдикатах. Предполагалось, что предприниматель становится объектом надзора со стороны этих чиновников, а государство управляет производством. Мы имели бы, следовательно, «истинный», «реальный» социализм или же продвигались в его сторону.

В Германии имеет место широко распространенный скептицизм в отношении этой теории. Я не предлагаю обсуждать — насколько действенной она является в военное время. Однако любой, способный к расчетам человек, знает, что экономика в мирное время не смогла бы развиваться так, как она развивается теперь, если мы не собираемся придти к нашему краху, и что в мирное время этот род национализации, т. е. принудительное синдицирование предприятий в каждой отрасли промышленности и участие государства в этих синдикатах с долей в доходах в обмен на уступку широких прав контроля означали бы в действительности не контроль государства над промышленностью, а контроль промышленности над государством и притом в наиболее неприемлемой форме. Внутри синдикатов представители государства сидели бы за одним столом с промышленниками, чье знание торговли, коммерческая выучка и степень понимания своего интереса далеко превосходили бы их собственные. В парламенте, однако, заседали бы представители рабочих, которые выдвигали бы требования о том, что представители государства должны обеспечить повышение заработной платы, с одной стороны, и низкие цены, с другой. Они утверждали бы, что те имеют власть для осуществления этого.

Затем снова, чтобы не разрушить свои финансы, государство, которое имело бы долю в доходах такого синдиката и несло бы вместе с ним убытки, естественно, было бы заинтересовано в высоких ценах и низкой заработной плате. И наконец, представители частного сектора и синдикатов ожидали бы от государства гарантирования доходности своих концернов. Тем самым в глазах рабочих такое государство представало бы в качестве классового государства в буквальнейшем смысле этой фразы, и я сомневаюсь — является ли это желательным в политическом плане.

Гораздо более сомнительно — будет ли разумным представлять теперь рабочим такое положение дел, как действительно «истинный» социализм, — предложение, которое определенно кажется очевидным до искушения. Ведь рабочие очень скоро обнаружили бы, что судьба горняка ни в малейшей степени не

зависит от того, является ли шахта частным владением или же она принадлежит государству. Жизнь рабочего в угольных копях Саара точно такая же, как и в частной угольной компании: если дела на шахте идут плохо, т.е. если она не приносит достаточного дохода, тогда и люди тоже живут плохо.

Различие, однако, состоит в том, что бастовать против государства невозможно. Очевидно, что при социализме такого рода зависимость рабочего довольно существенно увеличивается. Это одно из соображений, почему социал-демократия вообще отвергает такую национализацию экономики, такую форму социализма, т.е. консорциум синдикатов. Решающим фактором, как и прежде, является прибыль. Вопрос — из чего слагается доход отдельных промышленников, объединивших силы в синдикате, и от кого идут деньги казначею — продолжает определять направление развития экономики.

И наиболее угнетающим было бы то, что, в то время как в настоящее время политическая и частная промышленная администрация стоят отдельно друг от друга и поэтому промышленная власть может все еще обуздываться властью политической, две администрации превратились бы тогда в одну организацию с общими интересами и не смогли бы больше подвергаться контролю. Прибыль как маяк производства в любом случае не была бы ликвидирована. Государство же как таковое должно было бы, однако, выносить вдобавок ненависть рабочих, которая в настоящее время направлена против предпринимателей.

Противоположный этому принцип в вышеупомянутом аспекте мог бы быть воплощен в чем-то похожем на потребительскую организацию, в рамках которой обычно выдвигается вопрос: какие потребности должны обслуживаться внутри этой сферы государственной экономики? Возможно, вам известно, что многочисленные организации потребителей, особенно в Бельгии, перешли к тому, что стали основывать свои собственные фабрики. Если бы эта практика была расширена и передана в руки государственной организации, это было бы полностью и фундаментально иной род социализма — социализм потребителей. Однако никто пока еще не имеет ни малейшего понятия — откуда должны появиться его лидеры и где могут быть найдены партии, заинтересованные в том, чтобы в первую очередь проводить его в жизнь. Опыт показал, что потребители способны к организации в исключительно малой степени. Люди, обладающие определенным коммерческим интересом, с легкостью могут быть объединены, если им показать, что при таком объединении они получают прибыль или гарантированный доход. Именно это делает возможным создание социализма промышленников, т.е. такого социализма, который представлен национализацией.

С другой стороны, исключительно трудным делом является объединение людей, у которых нет ничего общего друг с другом кроме желания покупать или поддерживать свое существование, поскольку в целом позиция покупателя встает на пути социализации. Даже теперь в условиях голода, по крайней мере в Германии, домашние хозяйки в основной своей массе не смогли заставить себя принимать пищу в военных столовых (которую всякий находит вкусной и великолепно приготовленной) вместо своей собственной любительской домашней стряпни, хотя первая намного дешевле.

После всего сказанного, я, наконец, подхожу к разновидности социализма, которой привержено в своих программах большинство социалистических партий,

какие существуют сегодня, т. е. социал-демократических партий. Документ, который лежит в основе этого социализма, называется «Коммунистическим манифестом». Он написан в 1847 г., опубликован и распространен в январе 1848 г. Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Этот документ, как бы мы ни отрицали его критические положения (по крайней мере я так поступаю), по-своему является произведением, отличающимся ученостью высшего порядка. Этого нельзя отрицать и никто не сможет этого сделать, потому что ему никто не поверит, да это и невозможно отрицать с чистой совестью.

Даже в отвергаемых нами сегодня положениях содержится впечатляющее заблуждение, которое в политическом плане имело крайне далеко идущие и, возможно, не всегда приятные последствия. Но в научном плане это произведение дало чрезвычайно стимулирующие результаты, в гораздо большей степени, чем многие правильные до глупости труды. Одну вещь необходимо сказать вначале о «Коммунистическом манифесте»: если не всегда на практике, то по своему намерению он воздерживается от морализаторства. Авторам «Коммунистического манифеста» просто не приходит в голову, по крайней мере, по их собственному утверждению (в действительности они были людьми очень глубоко возмущенными и вне всякого сомнения всегда сохраняли это чувство) поднимать крик о низости и порочности мира. Они никогда не считали, что их задачей является заявить: такие-то и такие установления в мире должны быть устроены иначе, а именно — таким-то и таким образом. Скорее «Коммунистический манифест» является пророческим документом. Он предвещает крах частной промышленной, или капиталистической организации общества и замену этого общества сначала, в качестве переходной стадии, пролетарской диктатурой.

Однако за этой переходной стадией находится воистину окончательная надежда: пролетариат не может освободить себя от рабства, не положив конец всякому господству человека над человеком. Это действительно пророчество, сердцевина манифеста, без которой он никогда не был бы написан: пролетариат, рабочие массы сначала через своих руководителей захватят политическую власть, но это — переходный этап, который приведет, как известно, к «ассоциации индивидов». Именно такой будет конечная ситуация.

Как будет выглядеть эта ассоциация — об этом «Коммунистический манифест» забывает сказать, как это делается и во всех программах всех социалистических партий. Нам сообщают, что этого мы знать не можем. Может быть только установлено, что наше настоящее общество обречено, оно потерпит крах в соответствии с законами природы и будет на первом этапе заменено пролетарской диктатурой. Но о том, что последует за ней, пока еще ничего предсказать нельзя, за исключением отсутствия господства человека над человеком.

Какие доводы выдвигаются, чтобы показать неизбежность падения существующего общества по природе вещей? Ибо в строгом соответствии с законами природы оно приближается к своему концу. Это было второе кардинальное изречение данного торжественного пророчества, которое привлекало к нему торжествующую веру масс. Энгельс однажды использует образ: точно так же, как в положенное время планета Земля столкнется с Солнцем, капиталистическое общество обречено на гибель.

Какие доводы при этом выдвигаются? Первый заключается в следующем: буржуазия как общественный класс, под которым всегда подразумеваются, в первую очередь, промышленники и все те, кто прямо или косвенно разделяют те же самые интересы, — такой правящий класс только в том случае может сохранять свой контроль, если он может гарантировать, по крайней мере, элементарные средства к существованию управляемому классу наемных рабочих. Так, утверждают авторы, обстояло дело с рабством, то же самое было с системой феодальных поместий и т.д. Там люди обеспечивались, по крайней мере, голым пропитанием и тем самым мог поддерживаться контроль. Современная буржуазия, однако, не может сделать этого. Она неспособна делать это, потому что конкуренция между предпринимателями принуждает их все дальше и дальше бороться друг с другом путем снижения цен, а с появлением новых машин неизменно выбрасывать рабочих без всякого пропитания на улицу. Промышленники должны иметь в своем распоряжении обширный слой безработных, так называемый «промышленный резерв», из которого они могут в любое время выбрать некоторое число подходящих рабочих для своих фабрик; и этот слой все время создается увеличивающейся механической автоматизацией.

Однако результат заключается в том (или так утверждал «Коммунистический манифест»), что появляется все увеличивающийся класс постоянных безработных, «пауперов», и урезается минимум средств к существованию, так что класс пролетариев не получает даже элементарных жизненных средств, гарантированных данным социальным порядком. С этого момента такое общество становится непригодным и гибнет в результате революции.

Эта так называемая теория пауперизации в такой форме в настоящее время отброшена как неправильная открыто и без каких-либо исключений социал-демократией на всех уровнях. В юбилейном издании «Коммунистического манифеста» его издатель, Карл Каутский, безоговорочно признал, что развитие пошло по другому пути, а не по этому.

Этот тезис отстаивается в иной форме, в новой интерпретации, при которой он, между прочим, как бы и не оспаривается, но, во всяком случае, лишается своего прежнего торжественного характера. Как бы там ни было, на чем же все-таки основываются шансы на успех революции? Не обречена ли она на вечное поражение?

Теперь мы подходим ко второму аргументу: конкуренция между предпринимателями приносит победу тому, кто сильнее величиной своего капитала, своими деловыми способностями, но прежде всего своим капиталом. Это означает постоянное уменьшение числа предпринимателей, поскольку более слабый устраняется. Чем меньше становится число предпринимателей, тем больше увеличивается в относительном и абсолютном масштабе численность пролетариата. В определенный момент, однако, количество предпринимателей уменьшится настолько, что для них станет невозможным поддерживать свое господство. И тогда станет реальным по возможности мирно и спокойно лишить этих «экспроприаторов» собственности, скажем, в обмен на ежегодную ренту. Ведь они увидят, что почва будет так гореть под их ногами и их останется так мало, что они не смогут удержать свою власть.

Это положение, пусть даже в видоизмененной форме, имеет все еще поддержку и сегодня. Однако стало ясно, что, по крайней мере, теперь оно вообще

не является значимым в какой-либо форме. В первую очередь, оно не оправдано для сельского хозяйства, где, наоборот, во множестве случаев наблюдалось ясно выраженное увеличение численности крестьянства. Далее, оно оказалось не совсем неправильным, но иным в плане ожидаемых последствий для обширных отраслей промышленности, где оно продемонстрировало только то, что простое уменьшение численности предпринимателей далеко не исчерпывает процесс. Уменьшение слабых в финансовом отношении выражается в их подчинении капиталом, синдикатами и трестами. Однако параллельным к этим сложным процессам является быстрый рост числа клерков, т.е. неофициальной бюрократии.

Статистически быстрота ее роста обгоняет рост численности рабочих, а интересы клерков отнюдь не устремлены в сторону пролетарской диктатуры. И кроме того, появление в высшей степени различных и многообразных форм разделения интересов означает, что в настоящее время совершенно невозможно утверждать, что сила и количество тех, кто прямо или косвенно заинтересованы в буржуазном порядке уменьшается. Теперь, по крайней мере, ситуация не позволяет сделать предположение о том, что в будущем только полдюжины, несколько сотен или несколько тысяч магнатов останутся в одиночку перед лицом миллионов и миллионов пролетариев.

Наконец, третий аргумент состоял в оценке воздействия кризисов. Поскольку предприниматели конкурируют друг с другом (и здесь в социалистических текстах возникает важная, но очень запутанная дискуссия, от разбора которой я хочу вас избавить), неизбежными являются периоды перепроизводства, сопровождающиеся банкротствами, крахами и так называемыми «депрессиями». В соответствии с экономическим законом (Маркс только намекнул на него в «Коммунистическом манифесте»; впрочем тогда это была едва разработанная теория) эти периоды следуют один за другим через строго определенные интервалы.

Действительно, в течение почти целого века в возникновении подобных кризисов существовала приблизительная регулярность. Даже ведущие исследователи данного вопроса все еще не могут прийти к согласию относительно причин этого. Однако обсуждение этого вопроса в данный момент увело бы нас далеко.

Отныне классический социализм возложил свои надежды на эти кризисы. Прежде всего, он надеялся на то, что по самой своей природе они будут усиливать свою разрушительную мощь и интенсивность, создавая устрашающий дух революции, что они будут аккумулироваться, увеличиваться и наконец создадут такой климат, что даже непролетарские круги не будут больше стремиться к сохранению существующей экономической системы.

Сегодня эта надежда, в сущности, оставлена. Ведь хотя опасность кризиса, по общему признанию, исчезла не полностью, его относительная угроза теперь уменьшилась, поскольку деловые люди ушли вперед от непримиримой конкуренции к объединению в синдикаты, т.е. с тех пор как они начали устранять конкуренцию в широком масштабе путем регулирования цен и оборота и, далее, как только крупные банки, например, немецкий Рейхсбанк, приблизились к пункту, с которого они могут видеть, что в результате регулирования кредитов периоды сверхспекуляции стали встречаться гораздо реже, чем прежде. Итак,

несмотря на то, что мы не можем сказать — «это не осуществилось», все же «Коммунистический манифест» и его последователи в чем-то радикально изменили свои ожидания.

Имеющиеся в «Коммунистическом манифесте» самые возвышенные надежды на крах буржуазного общества сменились отныне гораздо более трезвыми ожиданиями. Во-первых, существует теория, согласно которой социализм наступит спонтанно в ходе эволюции, поскольку промышленное производство становится все более социализированным. То, что под этим подразумевается, заключается в следующем: место сегодняшних индивидуальных предпринимателей займут действующие на паях компании с оплачиваемыми управляющими во главе: возникнут государственные, коммунальные и трастовые фирмы, деятельность которых больше не будет, как прежде, основана на риске и погоне за прибылью одного единственного, или частного предпринимателя.

Вполне уместно, однако, будет добавить, что за акционерной компанией часто скрываются один или несколько финансовых магнатов, которые контролируют общее собрание. Каждый владелец акций знает, что незадолго до ежегодного общего собрания он получит от своего банка извещение с предложением передать свой голос непосредственно им, если он не желает идти и голосовать сам, что бесполезно, если учитывать капитал в миллионы крон.

Кроме того, этот род социализации означает, с одной стороны, распространение бюрократизма, специально подготовленных в коммерческом и техническом отношении чиновников, но с другой стороны — появление людей с ч а с т н ы м и с р е д с т в а м и , т.е. класса, который только извлекает дивиденды и проценты, не прилагая для этого никаких умственных усилий по сравнению с предпринимателем, но который по всем своим финансовым интересам привержен капиталистической системе. Государственные предприятия и тресты находятся в строгом и исключительном подчинении бюрократа, а не рабочего, которому гораздо труднее достичь чего-либо при помощи забастовки в борьбе с ним по сравнению с забастовками, направленными против частных предпринимателей. Это диктатура бюрократа, а не рабочего, диктатура, которая, по крайней мере в настоящее время, явно прогрессирует.

Во-вторых, имеется надежда, что машина, приводя к замене старых специалистов, опытных ремесленников и тех высококвалифицированных рабочих, которые входили в состав старых английских тред-юнионов, неквалифицированными рабочими и создавая для любого возможность работать у станка, поможет созданию такого единства в рабочем классе, благодаря которому старое разделение на традиционные профессии придет к концу, осознание этого единства станет подавляющим и будет способствовать борьбе против имущих классов.

Ответить на этот вопрос не так-то просто. Верно, что машина в очень большой степени способствует замене высокооплачиваемых и квалифицированных рабочих: любое производство по естественным причинам стремится внедрять именно такие машины, которые заменят рабочих наиболее редких профессий. Сегодня в промышленности наиболее быстро увеличивающуюся группу составляют так называемые «обученные» рабочие, т.е. не квалифицированные рабочие, которые при старой схеме проходили специальный курс обучения, но те, кого прямо ставят к станку и тут же обучают, как им пользоваться.

Но даже при таком положении они зачастую остаются все же до вполне определенной степени специалистами. Несколько лет, например, должно пройти, прежде чем обученный ткач достигнет высочайшей степени квалификации и, таким образом, сможет полностью использовать машину для предпринимателя, а для себя заработать наиболее высокую зарплату. Обычно типичный нормальный период обучения для некоторых категорий рабочих является значительно меньшим, чем тот, который был только что здесь указан. И тем не менее, в то время как такое увеличение обученных рабочих означает существенный спад в профессиональной специализации, это не предполагает ее конца.

С другой стороны, профессиональная специализация и потребность в специальном образовании растут на всех уровнях производства выше уровня рабочих, включая мастера и надсмотрщика, и сравнительное число лиц, принадлежащих к этому классу, постоянно растет. Правда, можно сказать, что они также являются «наемными рабами», но в большинстве случаев они работают не за сделную или еженедельную зарплату, но за твердое жалованье.

И больше всех рабочих, естественно, ненавидит мастера, который вечно дышит за его спиной, гораздо больше, чем промышленника, а промышленника, в свою очередь, больше чем акционера, хотя акционер в действительности относится к тем, кто извлекает свой доход, не работая, в то время как промышленник должен проделать очень напряженную интеллектуальную работу, а мастер стоит пока еще гораздо ближе к рабочему.

Нечто подобное встречается также в армии: вообще именно капрал вызывает наиболее сильное возмущение или, вероятно, насколько я смог заметить, действительно получается так. Во всяком случае, эволюция всей классовой системы далека от того, чтобы быть определено пролетарской.

И, наконец, имеется аргумент, основывающийся на возрастающей стандартизации производства. Все везде, очевидно, стремится — и война в особенности требует этого в высшей степени — к возрастающему однообразию и взаимозаменяемости продукции и ко все более и более широкой схематизации деловой активности. Старый свободный пионерский дух буржуазного дельца сохраняет силу, скажем, только в самом высоком круге предпринимателей и даже там он постоянно деградирует. Следовательно, если развивать аргументацию дальше, можно отметить, что существует постоянно растущая возможность управления этим производством, даже не обладая специфическими деловыми качествами, которые буржуазное общество рассматривает как необходимые для руководства. Это было бы особенно верно в отношении синдикатов и трестов, имеющих огромный административный аппарат вместо индивидуальных предпринимателей. Это опять-таки верно, но снова с той же самой оговоркой, что значение класса усиливается этим процессом стандартизации, а именно — класса администраторов, о котором я часто упоминал. Этот класс должен пройти совершенно определенный курс обучения, и в результате этого (что также необходимо добавить) он будет обладать определенным классовым характером.

Нет никакого совпадения в том, что повсюду мы видим высшие коммерческие школы, торговые школы и технические школы, возникающие словно грибы из-под земли. По крайней мере в Германии, этот процесс частично обусловлен желанием вступить в этих школах в студенческую ассоциацию, иметь на лице шрамы, быть способным дать удовлетворение и тем самым стать офицером

запаса, а в дальнейшем, заняв должность, иметь предпочтительный шанс на руку хозяйской дочери, т.е. желанием инкорпорироваться в классы так называемого «общества».

Для этого класса нет ничего более далекого, чем солидарность с пролетариатом, от которого они на самом деле стремятся все больше отмежеваться. Заметно, что то же самое является верным, но в различной степени, и в отношении многих подклассов среди этих чиновников. Все они стремятся к обладанию, по крайней мере, одинаковыми классовыми качествами или для самих себя или для своих детей. Однообразная тенденция к пролетаризации не является сегодня реальностью.

Как бы там ни было, эти аргументы показывают то, что старая революционная надежда на катастрофу, давшая «Коммунистическому манифесту» его сокрушающую мощь, уступила место эволюционистскому взгляду, т.е. представлению о постепенном перерастании старой экономики с ее гигантскими конкурирующими концернами в контролируемую экономику, независимо от того — контролируется она гражданскими служащими или же синдикатами с участием гражданских служащих. Это, и в не меньшей степени — объединение индивидуальных предпринимателей в ходе конкуренции и кризисов, теперь выступает в качестве предварительного условия реального социалистического, самоуправляемого общества. Такой эволюционистский дух, который ожидает от этой медленной трансформации перехода к социалистическому обществу будущего, фактически еще до войны бытовал в среде тред-юнионов. У многих социалистических интеллектуалов он занял место старой теории катастрофы. Именно отсюда были извлечены хорошо известные заключения. Возник так называемый «ревизионизм». По крайней мере, некоторые из его представителей отдавали себе отчет в том — каким серьезным шагом будет отнять у масс веру во внезапное пришествие блаженного будущего, дарованную им евангелием, которое провозглашало им, как и первым христианам: «Спасение может наступить к ночи».

Вера, подобная проповедуемой «Коммунистическим манифестом» и поздней теорией катастрофы, может быть низвергнута с пьедестала, но затем очень трудно заменить ее другой. Тем временем развитие уже давно оставило эту дискуссию позади в ходе борьбы со старой ортодоксией, которая возникла из моральных сомнений в ортодоксальной вере. Борьба объединилась с вопросом — должна ли, и как далеко, социал-демократия как партия увлекаться «практической политикой» в том смысле, чтобы создавать коалиции с буржуазными партиями, разделять политическую ответственность с правительством путем занятия министерских постов, способствовать улучшению существующего положения рабочих; будет ли это «классовым предательством», как, естественно, должен был рассматривать это убежденный сторонник катастрофы.

Между тем, однако, возникли и другие принципиальные вопросы, вокруг которых мнения разделились. Предположим, что путем постепенной эволюции, т.е. всеобщего синдицирования, стандартизации и бюрократизации, экономика примет такую форму, что начиная с определенного пункта станет технически возможным ввести средства контроля, которые займут место нынешней частной индустриальной экономики и тем самым частной собственности на средства производства, и полностью устроят предпринимателя. Кто же тогда возьмет

на себя командование этой новой экономикой? По этому пункту «Коммунистический манифест» или хранит полное молчание, или же выражается крайне двусмысленно.

Что же тогда будет представлять из себя «ассоциация», о которой он говорит? На что может указать социализм как на зародышевые клетки такой организации в том случае, если когда-нибудь представится возможность захватить власть и управлять по своему усмотрению? В Германском Рейхе и, по-видимому, везде представлены две категории организаций. Во-первых, политическая партия социал-демократии со своими членами парламента, издатели, партийные чиновники, цеховые старосты, которых она использует, а также местные и центральные группы, которые выбирают или нанимают этих людей. Во-вторых, профсоюзы. Любая из этих двух организаций может приобрести как революционный, так и эволюционистский характер. И мнения разделяются относительно того, какой характер они имеют, и какой характер для них предопределен и желателен в будущем.

Взяв в качестве отправного пункта надежду на революцию, мы находим два взаимно противоположных взгляда. Первым является представление ординарного марксизма, основанное на «Коммунистическом манифесте». Оно возлагало все надежды на политическую диктатуру пролетариата. Считалось необходимым принимать во внимание политическую партийную организацию, неизбежно приспособленную к кампании выборов в качестве средства ее выражения. Партия или политический диктатор, пользующийся ее поддержкой, должны захватить власть и таким путем должна возникнуть новая организация общества.

Оппоненты, против которых была направлена эта революционная линия, нашлись первоначально среди профсоюзов, бывших не более, чем тред-юнионами старого английского типа, не имевших никакой заинтересованности в таких планах, поскольку они представлялись слишком отдаленными. Эти организации желали бороться главным образом за такие условия труда, которые делали жизнь сносной для них самих и их детей: высокая заработная плата, короткий рабочий день, рабочее законодательство и т.д. Радикальный политический марксизм обратился, с одной стороны, против этой разновидности тред-юнионизма. С другой стороны, он выступил против того, что было названо «мильеранизмом», с тех пор как Мильеран стал французским министром. Это — исключительно парламентская форма социалистической политики компромисса. Как утверждают марксисты, такая политика приводит к тому, что руководители гораздо больше заинтересованы в своих министерских портфелях, а лидеры более низкого ранга — в приобретении официального положения, чем в революции. Тем самым революционный дух будет убит.

В течение последнего десятилетия, помимо «радикального», «ортодоксального» направления в старом смысле, появилось новое, известное как «синдикализм», от слова «синдикат» — французского названия профсоюза. Точно так же, как старый радикализм стремится к революционной интерпретации политической партийной организации, синдикализм стремится к революционной интерпретации профсоюзов. Его отправной пункт состоит в следующем: нет необходимости ни в политической диктатуре, ни в политических лидерах, ни в чиновниках, которые назначаются этими политическими лидерами; профсоюзы

и их федерация, когда наступит переломный момент, захватят контроль над экономикой в свои руки посредством так называемого «прямого действия».

Синдикализм берет начало от некоего твердого представления о классовом характере движения. Рабочий класс должен стать средством конечного освобождения. Однако все политики, которые околачиваются по столичным городам, справляясь только о том, как работает то или иное министерство и какой шанс имеет то или иное парламентское направление, являются людьми, озабоченными политическими интересами, а не товарищами. За их заинтересованностью в избирателях всегда стоят интересы издателей и чиновников, желающих нажиться на числе завоеванных голосов. Синдикализм отвергает все интересы, связанные с современной системой парламентских выборов. Только подлинный рабочий класс, организованный в профсоюзы, сможет создать новое общество. И пусть убираются профессиональные политики, которые живут для и, если буквально, от политики, а не для создания новой экономической организации.

Типичными средствами синдикалистов являются всеобщая стачка и террор. От всеобщей стачки они ожидают то, что в результате внезапной парализации всего производства те, кто в нем участвуют, в частности, предприниматели, будут вынуждены отказаться от управления фабриками и передать его в руки комитетов, которые будут сформированы профсоюзами.

Что касается террора, который некоторые проповедают открыто, некоторые тайно, некоторые же отвергают (здесь мнения расходятся), то он используется этой организацией для нанесения удара по рядам основных правящих классов, с тем чтобы парализовать их также и политически.

Этот синдикализм является, конечно, ответвлением социализма и он представляет собой непримиримого противника любого рода армейской организации. Ведь любой ее род способствует росту имеющих свои интересы групп вплоть до унтер-офицеров; даже солдат, который, по крайней мере, в конкретный момент, зависим в плане пропитания от функционирования военной и государственной машины, является тем самым частично заинтересованным в реальном крахе всеобщей стачки и в конечном счете является для нее препятствием.

Его противниками являются, во-первых, все политические социалистические партии, которые активно действуют в парламенте. Синдикалисты могли бы использовать парламент самое лучшее как платформу, с которой они смогли бы продолжать провозглашать под защитой парламентского иммунитета, что всеобщая стачка грядет и она должна произойти и пробудить в массах революционный пыл.

Но даже это отвлекает синдикализм от его реальной задачи и является, следовательно, весьма сомнительным. Заниматься всерьез в парламенте политикой является, с этой точки зрения, не только нонсенсом, но и просто делом невозможным.

Среди их противников находятся, конечно, все эволюционисты в любой их разновидности, даже если они — тред-юнионисты, которые стремятся только проводить кампании за улучшение положения рабочих. Напротив, синдикалисты должны утверждать — чем меньше зарплата, чем длиннее рабочий день, чем вообще хуже условия, тем больше шансов на всеобщую забастовку. Или же,

если эволюционисты — сторонники партийной политики доказывают, что государство сегодня вырастает в социализм вследствие растущей демократизации (к которой синдикалисты испытывают величайшее отвращение), они предпочитают царизм. Ведь для синдикалистов это является, по меньшей мере, большим самообманом.

Критическим вопросом является следующий — откуда синдикалисты могут надеяться достать людские ресурсы, способные взять на себя ответственность за производство? Ведь было бы большой ошибкой считать, что даже высококвалифицированный рабочий, даже если он провел на заводе годы и в совершенстве знает условия работы, способен поэтому понимать характер работы ф а б р и к и как таковой, поскольку на всех современных фабриках управление полностью основано на расчете, поиске рынка, знании его требований и технической выучке. Всеми этими вещами должны постоянно овладевать специалисты; профсоюзные же деятели, настоящие рабочие не имеют абсолютно никакой возможности ознакомиться с ними. Тем самым, хотя бы они этого или нет, они также должны будут обратиться к не-рабочим, к идеологам из классов, профессионально занимающихся умственным трудом.

И в самом деле замечательно, что, в полном противоречии с утверждением о том, что спасение может прийти только от подлинных рабочих, объединенных в профсоюзную федерацию, а не от политиков или каких-нибудь людей извне, внутри синдикалистского движения, основная масса которого до войны приходилась на Францию и Италию, имеется множество просвещенных интеллектуалов. Что же они ищут в нем? Р о м а н т и к а всеобщей стачки и р о м а н т и к а надежды на революцию как таковую очаровывает их. Глядя на них можно сказать, что они являются эмоционально незрелыми романтиками, испытывающими неприязнь к повседневной жизни с ее требованиями и изнывающими по этой причине по великому революционному чуду в надежде обрести ощущение силы. Естественно, среди них имеются люди с организаторскими способностями. Вопрос состоит только в том — захотят ли рабочие подчиниться их диктатуре.

Конечно, в военное время, с теми невероятными потрясениями, которое оно с собой приносит, принимая во внимание то, через какие испытания проходят рабочие, особенно в условиях голода, рабочая масса может быть возбуждена синдикалистскими идеями и, если в руках рабочих находится оружие, они могут захватить власть под руководством этих интеллигентов, к тому же если политический и военный крах государства предоставляет им такую возможность. Однако я не способен увидеть ни среди самих членов профсоюзов, ни среди синдикалистов-интеллектуалов тех кадров, которые наладят выпуск продукции в мирное время.

Великий эксперимент осуществляется сейчас в России. Трудность состоит, однако, в том, что сегодня мы не можем взглянуть на происходящее там, за границей — каким образом в действительности налажено там управление производством. Из доходящих до нас слухов, это происходит так: большевистское правительство, состоящее, как известно, из интеллигентов, часть которых учились здесь, в Вене, и в Германии и среди которых совсем немного русских, вновь добилось теперь выпуска на тех фабриках, которые вообще работают, 10% продукции мирного времени на основе, если верить сообщениям социал-

демократической печати, системы сдельной оплаты, поскольку иначе производство расстроилось бы.

Они оставили промышленников во главе предприятий, поскольку те являются единственными людьми, обладающими знаниями, и платят им довольно значительную компенсацию. Далее, они вернулись к выплате офицерского жалования офицерам старого режима, потому что они нуждаются в помощи, которую невозможно иметь без опытных офицеров. Будут ли эти офицеры, как только у них снова появятся под рукой войска, продолжать мириться с правительством этих интеллигентов — для меня сомнительно. До определенного момента, конечно, им приходилось бы это делать. В конце концов, по мере отказа от хлебных карточек, они принудили бы работать на себя часть бюрократии. Однако в течение долгого срока государственная машина и экономика не могут развиваться таким образом и эксперимент пока еще не является обнадеживающим. Удивительно то, что эта организация вообще функционирует в течение такого времени. Она оказалась на это способной, потому что является военной диктатурой, правда, не генералов, но капралов и потому что уставшие от войны солдаты, возвращаясь с фронта, находят полное взаимопонимание с жаждущими земли крестьянами, привыкшими к аграрному коммунизму. Или же солдаты с оружием в руках силой захватывают деревни, создают там отряды и стреляют в любого, кто приближается к ним слишком близко.

Это — единственный широкомасштабный эксперимент с «пролетарской диктатурой», который до сих пор имел место и мы можем со всей искренностью дать заверения в том, что с германской стороны споры в Брест-Литовске проводились наиболее лояльным образом в надежде достичь подлинного мира с этим народом. Это происходило по разным причинам: те, кто выступал в качестве заинтересованных групп, стоящих на основе буржуазного общества, были в пользу мира, потому что они говорили — ради Бога, позвольте им осуществлять свой эксперимент, он все равно должен провалиться и тогда станет предостережением. Остальные из нас были благожелательны, потому что мы говорили — если бы этот эксперимент оказался удачным и мы бы увидели, что культура возможна на этой основе, тогда мы были бы обращены в новую веру.

Одним из тех, кто этому мешал, был господин Троцкий, который не довольствовался осуществлением этого эксперимента в своем собственном доме и не возлагал своих надежд на тот факт, что это имело бы, в случае его успеха, беспрецедентный пропагандистский эффект в пользу социализма во всем мире. С типичным тщеславием образованного русского он желал большего, надеясь путем словесной акции и злоупотребления такими словами, как «мир» и «самоопределение» развязать гражданскую войну в Германии. Он оказался, однако, настолько плохо информированным, что не понял, что, по крайней мере, две трети германской армии рекрутированы из деревни, а еще одна шестая — из мелкой буржуазии, для которых было бы настоящим удовольствием нанести рабочим или кому-либо еще, кто захотел бы начать такого рода революции, удар по челюсти.

Речь не может идти о мире с фанатиками, их можно только обезвредить и это было сделано при помощи ультиматума и принудительного мира в Бресте. Каждый социалист должен это понимать и я не знаю ни одного, независимо от направления, кто, по крайней мере в душе, этого не понял.

Когда вступают в спор с современными социалистами, желая вести его объективно — что само по себе является интеллигентным, им можно предложить в современной ситуации два вопроса. Как они относятся к эволюционизму? То есть к идее, которая является фундаментальным принципом того, что теперь рассматривается в качестве ортодоксального марксизма. Согласно этой идее, общество и его экономическая система развиваются в точном соответствии с законами природы, сообразно своему возрасту. Тем самым социалистическое общество не может возникнуть где-либо до тех пор, пока буржуазное общество не достигло полной зрелости. Этого, даже с социалистической точки зрения, пока утверждать невозможно, поскольку все еще существуют мелкое крестьянство и ремесленники. Какова же позиция социалистов, приверженных этому основополагающему принципу?

И тогда окажется, что, по крайней мере, за пределами России все они занимают одну и ту же позицию, т.е. все, даже наиболее радикальные из них, ожидают возникновения буржуазного общественного порядка, а не порядка, организуемого пролетариатом, как единственно возможного результата революции, потому что пока еще нигде для последнего не наступило время. Существует просто надежда, что общественный порядок в некоторых частностях будет на несколько ступеней ближе к той конечной стадии, с которой, как ожидается, начнется в один прекрасный день переход к социалистическому порядку будущего.

Так должен ответить любой социалистический интеллигент, если он руководствуется своей совестью. Как следствие этого действительно возникла довольно большая группа социал-демократов внутри России, так называемые «меньшевики», которые разделяют точку зрения, что большевистский эксперимент по пересаживанию социалистического порядка сверху в существующее состояние буржуазного общества является не только безрассудством, но и насилием над марксистским учением.

Теперь, когда подавляющее большинство руководителей, по крайней мере, все, которых я когда-либо знал, стоят на этой эволюционистской позиции, вопрос — чего при данных обстоятельствах, особенно в военное время, революция предполагает достичь с их собственной точки зрения — является, конечно, правомерным. Она может привести к гражданской войне и вместе с ней, возможно, к победе Антанты, но не социалистического общества. Более того, она может создать и создаст на развалинах государства множество обладающих собственными интересами партий крестьянства и мелкой буржуазии, т.е. наиболее радикальных противников любого рода социализма, а сверх того, она привела бы к огромному разрушению капитала и дезорганизации, т.е. к регрессу в социальном развитии, а именно такого развития требует марксизм, предполагающий все увеличивающееся насыщение экономики капиталом.

На ум должна прийти, однако, мысль, что западноевропейский крестьянин думает иначе, чем русский крестьянин, живущий в своем аграрном коммунизме. Ключевым пунктом здесь является земельный вопрос, обсуждать который здесь не место. По крайней мере, германский крестьянин сейчас является индивидуалистом и он держится за свое наследство, за свою землю. Он вряд ли позволит оторвать себя от нее. Он скорее сам примет сторону земельного соб-

ственника, нежели рабочего радикал-социалиста, как только он почувствует для себя угрозу.

Тогда с точки зрения социалистических надежд на будущее перспективы революции военного времени становятся теперь совершенно непредсказуемыми, даже если она была бы успешной. Самое большее, что она могла бы по возможности дать, — это политическая конституция, приближенная к форме, желаемой при демократии, которая отдалила бы революцию от социализма вследствие экономически реакционных последствий, неизбежно ее ожидающих. Ни один социалист, если он честен, не может этого отрицать.

Вторым вопросом является отношение к миру. Всем известно, что радикальный социализм сегодня среди масс проникается пацифистскими симпатиями, желанием достичь мира как можно скорее. Теперь установлено, и любой вождь радикальной, т.е. подлинно революционной социал-демократии, должен будет, если его спросят, честно признать: для него, как для руководителя, мир не является решающим фактором, от которого все зависит. Он должен будет сказать, если он безусловно искренен, — когда перед нами встанет выбор между тремя дальнейшими годами войны и революцией впоследствии, с одной стороны, и немедленным миром без революции, — с другой, тогда, конечно, мы — за три года войны. Предоставим им примирять свой фанатизм со своей совестью.

Вопрос, однако, заключается в том — придерживается ли большинство войск, которые должны находиться на фронте, включая социалистов, того же мнения, что и эти лидеры, которые диктуют им идеи такого рода.

И, конечно, будет только правильным и совершенно справедливым, если они будут вынуждены раскрыть свои карты. Установлено и признано, что Троцкий не хочет мира. Ни один из социалистов, которых я знаю, сегодня этого больше не оспаривает. Но то же самое относится равным образом к радикальным вождям любой страны. Находясь перед выбором, они не желают мира любой ценой, но если война будет способствовать революции, т.е. гражданской войне, они выберут войну. Войну в интересах революции, хотя по их же собственному мнению (я повторяю) эта революция не может привести к социалистическому обществу, но самое большее — и это единственная надежда — к «более высокой форме развития», с социалистической точки зрения, буржуазного общества, которое стало бы в чем-то ближе (невозможно сказать — насколько), чем сегодняшнее, к социалистическому обществу, которое наступит однажды в будущем. Именно эта надежда по причинам, которые я изложил, является крайне сомнительной.

Спор с убежденными социалистами и революционерами всегда является затруднительным занятием. Судя по моему опыту, их нельзя убедить. Их можно только принудить, открыв их карты их собственным приверженцам, с одной стороны, по вопросу о мире, а с другой, в вопросе о том — к чему, как теперь можно предположить, приведет революция, т.е. по вопросу об эволюции стадий, который до настоящего дня является догмой истинного марксизма и был отброшен только в России твердо укрепившейся там сектой, полагающей, что Россия сможет пренебречь этими западноевропейскими этапами развития.

Это совершенно правильный способ дискуссии, а равным образом — единственно эффективный и возможный, поскольку, по моему представлению, не

существует никаких средств избавиться от социалистических убеждений и социалистических надежд. Всякий рабочий класс неизбежно будет социалистическим в том или ином смысле. Вопрос только в том — сможет ли этот социализм стать таким, чтобы оказаться терпимым с точки зрения национального интереса, а на современном этапе, в частности, и с точки зрения военных интересов.

Ни один из режимов, даже пролетарский, такой, как Парижская коммуна, а теперь и режим большевиков, не мог до сих пор быть установлен без закона военного времени в тех случаях, когда основания его дисциплины подвергались угрозе. Троцкий признал это с похвальной честностью. Но чем более убежденным будет среди войск чувство, что только объективные интересы поддержания дисциплины, а не партийные или классовые интересы, определяют поведение военных судов, т.е. что произойдет только объективно неизбежное на войне, тем более прочным будет оставаться авторитет военных.

Перевод с немецкого В. А. Гуторова